

Андрей Николаевич Белькович
Связующая нить времён

Полёты во сне и наяву

Андрей Белькович

Связующая нить времён

«Автор»

2026

Белькович А. Н.

Связующая нить времён / А. Н. Белькович — «Автор», 2026

В романе "Связующая нить времён" в первой части повествуется о нелёгкой судьбе советского народа в годы Великой Отечественной войны. Последующие части — это фэнтези о приключениях попаданца. Второе произведение - мистический рассказ о молодом человеке с необычными способностями.

© Белькович А. Н., 2026

© Автор, 2026

Андрей Белькович

Связующая нить времён

Связующая нить времён

Часть 1

Глава 1

Раннее осеннее утро. Алексей, мужчина тридцати шести лет, проснулся по внутреннему будильнику. Он не мог объяснить, как это работает, просто с вечера, когда ложился спать, говорил себе: «Завтра надо проснуться в пять» и просыпался. Удочка, изготовленная с любовью, черви, сваренная перловка ждали заядлого рыбака в сенах. Осторожно, чтобы не разбудить домочадцев, он вышел во двор. До реки было полтора километра ходу. Алексей любил эти предрассветные мгновения. Утро на Кубани особенно прекрасно: лёгкий освежающий ветерок, чистая, как слеза, роса, ещё слышны соловьиные трели.

Алексей помнил, как впервые услышал пение соловья в ранние часы, находясь в карауле. Призвали молодого двадцатилетнего паренька Алексея Ивановича Жадько в ряды Красной армии всего на полтора года. Именно такой срок службы отводился в 1923 году для пехотинцев. Армия приучила парня к строгой дисциплине, ответственности. Вернувшись после службы в родную станицу, Жадько устроился в паровозную бригаду кочегаром в депо железнодорожного вокзала. Работа была трудная, но Алексею нравилась. Он смазывал буксы, набирал масло и воду, подгребал уголь из тендера в лоток. Своей будущей жене Марии мечтательно рассказывал, что скоро станет помощником машиниста, а потом и машинистом, и тогда обязательно прокатит её на паровозе. С Машей Алексей познакомился ещё до службы в армии. Эта задорная веселушка поразила сердце парня неутомимой игривостью и необычайной красотой. Была полной противоположностью Алексею. Его чёрные, кудрявые волосы и такие же тёмные глаза контрастировали с её русой косой и голубыми очами. Густая чёлка, чёрные, словно кисти художника, брови сводили юношу с ума. Невысокого роста, хрупкая девушка обладала сильным, твёрдым характером. Умение радоваться и восторгаться жизнью сочетались с высокой ответственностью и упорством во всех делах.

Новый крик птицы вырвал парня из воспоминаний в настоящее. Рыбалку Алексей любил не только за сам процесс выуживания и борьбы с рыбой, но и за то прекрасное единение с природой – возможностью побыть одному в тишине и привести мысли в порядок. Неподалёку начала свой отсчёт кукушка, Алёша невольно вновь погрузился в прошлое, вспомнив утро перед уходом в армию. Они провели с Машей всю ночь, гуляли по станице и незаметно для себя оказались на берегу реки. Март был на удивление тёплым. Именно в тот далёкий вечер юноша набрался смелости и впервые поцеловал свою избранницу. Первый поцелуй оказался неловким, но уста Маши Алёше показались такими нежными и сладкими, что хотелось целовать их вечно. В эту ночь они были самыми счастливыми людьми на земле. Небо украшали звёзды, как-то по-волшебному сияющие тёплым светом.

Наверное, где-то там, в космосе, тоже живут люди, – проговорил парень.

– Они, как и мы, возможно, сейчас смотрят на небо и думают о том же, – прошептала девушка. – Я думаю, что люди найдут способ долететь до Луны, до звёзд, ведь мы уже покоряем воздушное пространство, и водное тоже, – мечтательно продолжила она.

– Ты будешь ждать меня?

– Я буду писать тебе письма каждый день.

– Когда я вернусь, станешь моей женой?

– Я хочу, чтобы мы были вместе, но ты должен прийти к моим родителям и попросить их благословения, – глядя прямо в глаза возлюбленному, ответила Мария.

Они поженились через два года. Жили скромно, но счастливо.

Алексея воспитывала мама, отец рано ушёл из жизни, не перенеся тяжёлую форму сыпного тифа. Родительский дом, где поселились молодые, был просторным с хорошим приусадебным участком.

Прошли годы. Многочисленная семья Жадько встретила 1939 год по-семейному. Отец привёз из командировки ароматную пушистую ёлку. Украшали главную виновницу торжества все вместе. Самая старшая из детей, Людмила, вырезала из бумаги снежинки. Её погодка, Нина, лепила из глины рыбок и лебедей. Маргарита и Славик с мамой вешали игрушки на ёлку. Глава семейства торжественно водрузил на макушку лесной красавицы большую красную звезду, вырезанную из картона.

Погружённый в медитативный процесс ловли рыбы, Алексей блаженно улыбался: какое было счастливое время. В ведре плескалось несколько карасей. На рыбалке время летит незаметно, вот и сегодня прошло уже немало, надо возвращаться домой.

Девчонки дома успели проснуться: Люда наводила в доме порядок, Нина и Рита хлопотали у плиты. Этот год для семьи Жадько обернулся невосполнимой утратой, ушла из жизни Мария. В январе Маша поняла, что опять на сносях. Рождение ребёнка всегда радость, но семья и так едва сводила концы с концами, да и здоровье у молодой женщины пошаливало. В 1936 году аборт в стране запретили.

– Ну что, мать, будем рожать. Там, где четверо, там и пятому место найдётся, – сказал тогда глава семейства и уехал в очередную командировку. Он уже работал помощником машиниста, но многочисленные льготы и более высокое денежное довольствие получал только машинист паровоза. Опыта у Лёши было достаточно, но не хватало образования, а учиться при многодетной семье не с руки. Мария всё понимала и сделала по-своему. Пыталась прервать беременность, прыгая с лестницы, распаривая ступни в тазу с горчицей и даже промывая внутренние половые органы уксусной эссенцией. Ничего не помогало, возможно, срок беременности уже был большой. Здоровье только подорвала ещё больше.

По соседству с ними проживала одинокая молодая женщина – Матрёна, она и посоветовала Марии обратиться к местной повитухе.

Анна Полетаева шестидесяти семи лет от роду жила на окраине станицы в старенькой полуразвалившейся хатке. Маша собрала узелок с продуктами (десяток яиц, крынку молока, шматок сала), серебряные серьги – подарок мужа – и отправилась к знахарке.

Полетаева долго не соглашалась, оно и понятно, за подпольный аборт грозил срок до десяти лет. Марии удалось уговорить знахарку, лишь убедив, что даже под страхом смерти не скажет, кто сделал ей страшную процедуру.

После процедуры Маша добралась до своего дома с огромным трудом. Кровотечение не прекращалось, силы уходили с каждой минутой. Рита и Люда не отходили от матери всю ночь, меняли пелёнки, поили чаем и молоком, меняли холодные компрессы с уксусом. Рано утром, чуть забрезжил рассвет, Нина не выдержала и убежала за станичным фельдшером.

Павел Никифорович Животовский, шестидесятилетний дипломированный врач, волей партийных чиновников определённый в фельдшера без права занимать должность врача. Станичники любили и уважали доктора за его высокий профессионализм и житейскую мудрость. Павел Никифорович участвовал в империалистической войне, награждён Орденом Святого Георгия за особое отличие в спасении раненых и личную воинскую доблесть.

Подбежав к дому фельдшера, Нина неистово заколотила детскими кулачками в окно добротного дома.

– Кто там? – послышался сонный мужской голос.

– Это я, Нина Жадько, маме очень плохо, помогите, пожалуйста! – сквозь слёзы затараторила девочка.

– Да-да, успокойся, сейчас оденусь и выйду.

Они почти бежали по улице, Нина рассказывала, что произошло с мамой. Девочка не могла знать всего, но в подробностях описала врачу симптомы недуга, постигшего женщину.

Медик осмотрел больную и сразу всё понял.

– Что же ты, дорогуша, наделала? Ты хоть понимала, что это смертельно опасно? Тебе же надо детей поднимать, – укоризненно посетовал Павел Никифорович.

– Именно о них и думала, – слабым голосом, чуть слышно прошептала Мария.

Врач сделал подряд несколько уколов, обезболивающий и кровеостанавливающий.

– Маша, скрывать не буду, случай крайне серьёзный, тебе надо срочно в больницу. – Животовский встал и направился к двери. – Нина, я сейчас напишу записку, пулей лети в больницу и передай её дежурной медсестре, пусть направит сюда машину, я остаюсь с мамой.

В больнице медики боролись за жизнь молодой женщины несколько дней, но спасти её не удалось. Мария так и не сказала, кто сделал этот роковой аборт.

Узнав о случившемся горе, Алексей не хотел дальше жить. Дети ни на шаг не отходили от отца. Два года назад семья похоронила бабушку, мать Алексея, и вот теперь ещё одна утрата. Как жить дальше?

Глава 2

После тяжёлой потери прошёл год. Девочки успели как-то сразу повзрослеть. Вся домашняя работа свалилась на их хрупкие плечи. Двенадцатилетняя Людмила научилась доить корову. Главную кормилицу семейства ласково звали Белошейкой из-за её светлой шеи. Нине шёл одиннадцатый год, в её попечении были куры. Их в хозяйстве оказалось немного, но они тоже требовали внимания. Утром надо налить воды, накормить, вечером собрать яйца, раз в неделю почистить курятник. Восемилетняя Рита ухаживала за самым младшим членом семьи – Славиком.

Когда отец приезжал из очередного рейса, к ним в гости приходила соседка Матрёна. Заходила женщина не с пустыми руками, то пирожочков напечёт, а то и пирог с яблоками. Она давно безответно любила красавца Алексея. Мужчина был только рад такой гостье. Вечерами пили чай и обсуждали прошедший день. Алексей рассказывал о других городах, в которых побывал, Матрёна больше молчала и заворожённо смотрела на объект своего обожания, иногда пересказывая местные новости. Как-то Алексей предложил женщине остаться. С того вечера Матрёна жила в доме Жадько. Дети стали называть её мамой. Матрёна старалась держать их в строгости. Однажды Нина заприметила, куда мачеха прячет ключи от сундука, где хранилась курага. Пока Матрёна возилась на огороде, девочка открыла сундук и набрала две жмени сушёных абрикосов. Нина позвала брата, и они вместе полакомились вкусностями. Детская радость длилась недолго, в дом вернулась мачеха, и тайная операция провалилась. Нину наказали: она стояла в углу на коленках, даже когда солнце уже давно село и наступила ночь. О ребёнке просто забыли. Когда сил уже совсем не осталось, девочка, не вставая с колен, подползла к кровати мачехи и, дёргая ту за руку, прошептала:

– Мама, я больше не буду, можно я пойду спать?

– Тю, Нинка, це ты шо, до си стоишь? Быстро лягай спать.

Нина надолго запомнила это событие, понимала, что сама виновата, но в голове крутилась мысль о том, что родная мама так бы никогда не поступила. Спустя много лет, уже будучи бабушкой, она рассказывала этот случай своим внукам.

Глава 3

Война ворвалась в жизнь советских людей словно ураган, который никто не ждёт в ясную погоду. Жизнь разделилась на до и после. Уже на следующий день, 23 июля, военные комис-

сариаты стали рассылать повестки. В стране была объявлена мобилизация. Вначале призвали военнообязанных мужчин 1905–1918 года рождения. Но первые месяцы войны показали, что нужно гораздо больше солдат и офицеров. В армию брали и 17-летних, и 50-летних мужчин. Алексей Жадько не попал в первую волну мобилизации.

– Алёша, может, нас минует сия чаша, – тревожно произнесла Матрёна, – ты же помощник машиниста, у нас четверо детей.

– Бронь имеют только машинисты, а многодетных много, кто ж Родину будет защищать?

В августе пришла повестка и в дом Жадько, вернее, она пришла на работу, в депо, где трудился Алексей. В документе написано кратко: «Администрации предприятия немедленно освободить призывника Жадько Алексея Ивановича и выдать деньги на две недели вперёд. Остричь голову наголо, иметь с собой документы и продукты, громоздких вещей не брать». В повестке также указывалось, куда и когда прибыть. Крупным шрифтом приписка: «За опоздание или неявку будет привлечён к ответственности».

Провожая отца на фронт, дети ещё не понимали, что могут больше не увидеть родного человека, Матрёна плакала.

– Алёша, ты не думай, я детей не оставлю, бей фашистов спокойно, война скоро закончится, вернёшься домой, и мы заживём прежней жизнью, – сквозь слёзы лепетала женщина, успокаивая скорее себя, чем мужчину.

– Да-да, Мотя, всё будет хорошо, я обязательно вернусь...

Глава 4

Команда, в которую попал Жадько, отправилась в район сосредоточения подготовки резервов для воюющих полков и бригад. Ещё в поезде Алексей подсел к земляку Виктору Животовскому, сыну того самого фельдшера, когда-то пытавшегося спасти жену Лёши. Виктор до войны работал автомехаником. Между ними была разница в десять лет, Алексей, как старший, взял шефство над земляком, всячески опекал и помогал. Прибыв на место, новобранцев заселили в казармы, выдали обмундирование и боекомплект. Вечером после ужина все разошлись по казармам. Земляки вышли покурить.

– Как думаешь, зёма, надолго война с фрицами? – раскуривая папироску, спросил Виктор.

– Судя по тому, что призывать начали всех без разбора, невзирая на возраст и профессии, на передовой сейчас жарко, – рассудительно заметил Алексей.

– Ничего, повоюем. У тебя дома кто остался?

– Жена Матрёна, да четверо по лавкам от первого брака, если со мной что случится, даже и не знаю, как выживать будут, – с грустью ответил Жадько.

– У меня тоже хозяйство немалое, жёнушка Наталья и трое мальцов – Маша, Эмма и Георгий. Отец присмотрит, если что...

– Знаю Павла Никифоровича, известный и уважаемый в станице человек.

Мужчины, докурив, вернулись в казарму, пора готовиться ко сну.

С утра организационные вопросы продолжились. Новобранцев распределили по взводам и ротам. Земляки попали в одну роту, но в разные взводы. Целый день они стреляли из винтовок, метали макеты противотанковых гранат из укрытий, осваивали противотанковые ружья, упражнялись в рукопашном бою, слушали политинформацию о положении на фронтах.

Через неделю пришёл приказ о выдвигении резервных сил на линию фронта. Ехать пришлось недолго. Ожесточённые бои шли уже в Ростовской области. Подразделение с вновь прибывшими бойцами заняло оборону в чистом поле. Стояли прохладные октябрьские дни. За несколько часов батальон Алексея окопался полностью, командиры получили боевую задачу. Соприкосновение с противником ожидалось в ближайшие часы. Жадько занял боевую пози-

цию. На шее у него висел серебряный крестик, подарок матери. Украдкой достав его, мужчина быстро поцеловал символ православной веры и бережно спрятал под рубаху. Впереди уже доносились выстрелы и грохот разрывающихся снарядов. Алексей тихо молился. В те времена вера не поощрялась, но маленького Алёшу в семье приучили обращаться к Богу. С детства он знал две молитвы: «Отче наш» и девяностый псалом «Живый в помощи Вышнего». Грохот боевой техники приближался, уже различимы были силуэты немецких танков. Жадько не относил себя к робкому десятку, но при виде мощи немецкой армии даже у него пробежал по телу лёгкий озноб, несмотря на прохладу, на лбу выступил холодный пот. Мужчина крепче сжал в руках винтовку.

– Приготовиться к бою, огонь открывать только по команде! – раздался возбуждённый крик командира.

– Не дрейфь, ребята, прорвёмся! – прозвучало уже ближе. Это подбадривал новобранцев командир отделения сержант Петров.

Немцы двигались уверенно. Танки на ходу открыли огонь. Приданная батальону артиллерийская батарея дала ответный залп. Несколько танков с уже различимыми крестами на башнях остановились и задымили. Грохот стоял такой сильный, как раскаты грома в дождливую погоду, небо заволочило чёрным дымом.

– Отсекай пехоту от танков. По врагам! Огонь! – Голос командира утонул в раскате взрыва разорвавшегося поблизости снаряда. Батальон вступил в страшный кровопролитный бой.

Жадько стрелял быстро, при этом успевая прицелиться, старался не замечать свиста пуль, крика раненых, грохота рвущихся снарядов. Стремительный бой изнурял, несмотря на ответный огонь, враг упорно продвигался вперёд. Немцы явно превосходили и в боевой технике, и в стрелковом оружии, и в живой силе. У наших солдат тоже оставалось преимущество, они были в укрытии.

– Сосредоточить огонь на танках, приготовить гранаты! – неистово заорал командир взвода.

Алексей огляделся вокруг и увидел, что противотанковый расчёт уничтожен, но ПТР (противотанковое ружьё) хоть и было опрокинуто, но на вид в рабочем состоянии. Переместившись на позицию погибшего расчёта, Жадько схватил ПТР, зарядил его и тут же сделал выстрел по приближающемуся танку. «Попал!!!» Танк завертелся на месте и остановился. Алексей перезарядил ружьё и выстрелил в другого железного монстра, тоже попал. Промануться было сложно, вражеская бронетехника подошла очень близко. Слева и справа раздалась разрывы гранат, это его товарищи поразили очередные бронетели.

Немецкие средние танки Panzer III были оснащены пятидесятимиллиметровыми пушками и пулемётами (по два на танке), но со слабой бронёй. По тем временам грозное творение немецких инженеров. Вскоре им на смену придут более мощные танки «Пантеры» (Panzer IV) и «Тигры» (Panzer V), а пока наши «сорокопятки» (сорокапятимиллиметровые противотанковые пушки образца 1937 года), противотанковые гранаты и даже бутылки с легковоспламеняющимся веществом «коктейли Молотова» легко останавливали немецкую бронетехнику.

По тактическим понятиям в таком бою достаточно поразить половину боевой техники противника, чтобы оставшаяся прекратила наступление и повернула назад.

Этот бой был за нашими солдатами. Немцы отступили. Пришло время небольшой передышки. Для необстрелянного резервного подразделения, состоявшего по большей части из новобранцев, это была реальная победа. Солдаты и офицеры радовались как дети. У командования хватило ума не поднять подразделения в атаку вслед отступающему противнику. Слишком велики были потери, да и опыта у новобранцев маловато.

Ротные санинструкторы оказывали помощь раненым. Командиры проверяли личный состав и подводили итоги боя. Подбадривая своих подчинённых, взводный отметил особо

отличившихся и пообещал написать представление на медаль «За отвагу». Среди представленных к награде числились и Алексей Жадько, и Виктор Животовский. Сколько ещё будет таких боёв, смертоносная машина войны только набирала обороты.

Разведка установила, что немцы сосредоточили на этом направлении значительные силы. Поступила команда на отступление. Противник рвался на Кавказ и к Сталинграду.

Глава 5

Лето 1942 года.

Каневчане собрали хороший урожай, но зерно не стали хранить на элеваторе, а тут же отправляли по железной дороге на нужды фронта. Немцы приближались к житнице страны. Уже в июле начались мероприятия по эвакуации и в Каневском районе. Выезжали различные госучреждения, семьи советских и партийных работников, беженцы. Весь колхозный скот перегоняли за Кубань. Взорвали элеватор, мельницу и даже вокзал. Уцелела только больница – там находилось много раненых красноармейцев и больных станичников.

– Мама, мы тоже уедем? – спросила Рита у Матрёны, глядя на поток беженцев.

– Нет, доча, мы остаёмся. Куда нам бежать? Тут у нас хата, корова, огород. Да и отец скоро с победой вернётся, где он нас будет искать? – уверенно ответила женщина.

– Впереди зима, скоро придут немцы, надо куда-то спрятать картошку, кабаки, лук. – Людмила задумалась.

– Верно, по-взрослому рассуждаешь, доченька.

Незаметно для себя они все как-то сроднились, оставшись одни.

В конце огорода Люда и Нина вырыли огромную яму-схрон для овощей. Сверху уложили доски и присыпали их землёй. С боку соорудили отдельный лаз и тоже замаскировали. Матрёна зарезала несколько кур, сделала тушёнку. Насушили сухарей и фруктов.

5 августа 1942 года фашисты вошли в станицу. Первыми по дороге ехали мотоциклисты, за ними прогрохотали танки, следом шла пехота. Ворота гимнастёрок расстёгнуты, рукава закатаны по локти, на лицах довольные улыбки. Захватчики нагло шагали по русской земле.

Матрёна собрала детей в хате, Славик заплакал, испугавшись незнакомого шума и дребезжания окон.

Первые дни были самыми страшными. Фашисты грабили, насиловали и убивали при малейшем сопротивлении. Врывались в дома, забирали продукты, ловили и уносили домашнюю птицу. Основные силы противника быстро ушли на юг. В станице остался бургомистрат и комендатура со взводом солдат. Через месяц прибыла группа карателей гестапо. В полицию набрали уголовников, бывших белогвардейцев и прочих антисоветских элементов. Каратели расположились в здании райисполкома. Над дверью водрузили устрашающий знак – человеческий череп.

Семью Жадько выгнали из дома, но разрешили жить в сарае с погребом. В доме проживало несколько солдат и унтер-офицер. Корову скоро зарезали. Ночью девчонки вышли из сарая и собрали кишки – всё, что осталось от Белошейки. Помыв и прочистив liver, Матрёна сварила суп, наваристый, вкусный. Дети старались лишней раз не выходить во двор, когда там были немцы. Однажды Славик выбежал за котёнком и оказался во дворе. Его заметил унтер-офицер, подошёл к нему, взял ребёнка на руки, достал из кармана фото своего сына и гордо произнёс:

– Виктор!

– Слава, – ответил мальчуган.

– Виктор, скажи Виктор, – настаивал немец, при этом достал шоколадку.

– Нет, Слава, Слава. – Ребёнок заплакал.

Унтер-офицер опустил малыша на землю и, отдав ему шоколад, недовольно пошагал прочь. Славик убежал в сарай. Шоколад поделили между детьми. Матрёна плакала.

Полицаи вместе с карателями выискивали евреев, коммунистов, комсомольцев и вывозили на окраину станицы на территорию неработающего пенькозавода, там их расстреливали. Так в страхе, в голоде и в холоде прошло полгода.

Глава 6

Наступил 1943 год. Зима на Кубани выдалась морозная и ветреная.

Командир полковой разведки капитан Гребенюк Иван Степанович вызвал к себе старшего лейтенанта Германа Эспиноса, испанца по национальности. Эспиноса воевал в Испании с фашистами и продолжил боевой путь в Советском Союзе.

– Герман, со дня на день мы перейдём в наступление, необходима максимально точная информация о противнике. На территорию, занятую гитлеровцами, будут заброшены несколько разведывательных и диверсионных групп. Ты со своими ребятами должен взорвать склад с боеприпасами в станице Каневской. Группа вылетает в ночь с 19 на 20 января. Задача ясна?

– Так точно, товарищ капитан! – бодро, с едва заметным акцентом отрапортовал испанец.

В 22:00 19 января с Адлерского аэродрома вылетел самолёт Ли-2, на борту которого находилось шесть десантников. Высадка десанта сразу пошла не по плану: из-за сильного ветра парашютистов отнесло более чем на километр от запланированного места высадки. Группу разбросало на сотни метров друг от друга. Один из десантников погиб, разбившись при приземлении из-за нераскрывшегося парашюта. Потеряла группа и радистку Валю Гальцеву. Недалеко от места её приземления находился полицейский блокпост. Заметив купол парашюта, фашистские прихвостни направились к месту приземления разведчицы, схватили её, отвезли в комендатуру, где долго пытали, а потом расстреляли на территории пенькозавода. Двоих парашютистов расстреляли ещё в воздухе. Разведчика Василия Кожедуба ветром отнесло к станице Челбасской. Он сломал ногу при приземлении. Кое-как, опираясь на автомат, Василий добрался до небольшого домика на окраине станицы. Постучав в крохотное оконце, он на всякий случай привёл оружие в боевое положение.

– Кто там? – Разведчик услышал женский голос.

– Я русский солдат, мне нужна помощь, – чуть слышно произнёс Василий.

На улицу вышла молодая женщина и быстро подошла к незнакомцу. Не раздумывая, она помогла ему зайти в дом.

– Я советский парашютист, мы должны были приземлиться недалеко от станицы Каневской, кажется, я сломал ногу.

– До Каневской больше двадцати километров, ты, милоч, оказался в станице Челбасской. Меня зовут Валентина.

– Василий Кожедуб.

Валя помогла солдату раздеться, наложила шину на повреждённую ногу, напоила его чаем и рассказала, что живёт одна, муж на фронте, немцев в станице мало, есть полицаи.

До прихода Красной Армии женщина прятала советского разведчика у себя дома.

Герман тоже, как и большинство из группы, приземлился неудачно, сильно повредив бедро. Идти не мог, пришлось ползти по заснеженному полю. Перчатки забыл в самолёте, руки перестали болеть, он их просто не чувствовал. Впереди увидел какое-то строение. Собрав в кулак всю волю, разведчик из последних сил пополз к цели.

Эспиноса заполз внутрь и зарылся в сено. Немного согревшись, Герман уснул. Сквозь сон слышал какой-то шорох, открыл глаза и увидел мальчика. Разведчик оказался в конюшне, а малец пришёл за сеном.

– Вы кто, как вы тут оказались? – не испугавшись, спросил ребёнок.

– Я свой, мне нужна помощь, – слабым голосом произнёс Эспиноса.

– Здесь кругом шастают немцы, ищут парашютистов, вам надо спрятаться. – Мальчуган заволновался.

Подросток помог солдату подняться на чердак, пообещав вернуться с подмогой, забросал красноармейца сеном, парнишка предусмотрительно убрал лестницу к дальней стенке и укрыл её тряпками. Вовремя... Дверь конюшни открылась, и на пороге появился полицай Чуприна и два немца.

– Ты что здесь делаешь, Егор? – спросил полицай.

– Батя за сеном послал, – дрожащим голосом ответил мальчик.

Немцы тем временем обходили помещение, держа автоматы наготове. Чуприна взял вилы и стал тыкать в сено.

– Ты никого здесь не видел? – Продолжил опрос полицай.

– Нет, можно я пойду? – робко поинтересовался Егор.

– Иди, передай своим, если увидят кого незнакомого, лучше пусть сообщает в комендатуру, получают вознаграждение, а за укрывательство советских солдат могут расстрелять всю семью.

Егор забрал мешок с сеном и быстро вышел.

Эспиноса перестал дышать, только крепче сжимал автомат. Когда враги ушли, разведчик опять провалился в сон. Ночью пришёл конюх Иван Нефёдов. Принёс тёплого молока и хлеба.

– Сынишка сказывал, что ты наш, советский, рассказывай, кто таков? – глядя на разведчика, произнёс Нефёдов.

– Я командир группы десантников, зовут меня Герман.

– Нерусский, что ли? – заметив лёгкий акцент и обратив внимание на имя, спросил Иван.

– Да, я испанец, бью фашистов в составе интернационального батальона. К вам заброшен с заданием, мы должны взорвать помещение с боеприпасами.

– Не выполните вы своё задание. Радистку вашу схватили во время приземления, пытали. Она никого не выдала. Её расстреляли. Двух ваших парашютистов убили ещё в воздухе, один разбился оземь, его парашют так и не раскрылся. Ещё сказывают, что немцы нашли в поле взрывчатку. Больше ничего не знаю.

– Откуда такая осведомлённость? – насторожено спросил разведчик.

– В селе живём, все друг друга знаем и среди полицаяев есть нормальные люди. Чуприна, предатель, старший у полицаяев, некоторых мужиков заставил пойти служить немцам под угрозой расстрела семей.

– Помогите связаться с нашими, знаю, что у вас в районе лимана есть группа сопротивления, партизаны, – попросил Герман.

– Тебя надо переправить в станицу, а то замёрзнешь здесь совсем, а там и подумаем о связи. Это очень опасно. Не за себя боюсь, за семью. Я сейчас уйду, а завтра вернусь и помогу тебе.

Иван ушёл, оставив десантнику тулуп.

Но ни днём, ни ночью никто так и не появился. Герман уже было решил выбираться сам, но лестницы нигде не было. Конюх убрал. Утро стояло особенно морозное, болело ушибленное бедро, ноги уже перестали болеть. Герман пытался их растереть, но это оказалось бесполезно. К конюшне кто-то подъехал. Разведчик приготовился к бою, достал гранаты и запасной магазин к автомату.

– Герман, это я, Иван. – Эспиноса услышал знакомый голос.

Нефёдов раздобыл где-то плохонькую лошадку и днём, чтобы не привлекать внимания немцев, приехал к конюшне. Иван помог Герману лечь в шарабан, дал ему в руки автомат и

гранаты – в случае провала нельзя было сдаваться живым. Сверху присыпал сеном, а на него положил козу. Никто даже и не подумал их досматривать.

Так и провёз Нефёдов красноармейца через всю станицу к своей хате. Немцы поблизости не проживали. Хатка у колхозников Нефёдовых небольшая. На всякий случай благоустроили под жильё подпол. Самостоятельно ходить Эспиноса не мог. Ноги были обморожены. Иван в тот же день наведлся к Животовскому и всё рассказал станичному доктору.

Павел Никифорович тайно ночами пробирался к больному, растирал ноги гусиным жиром, менял повязки, ставил компрессы и колол уколы.

Нефёдов передал информацию о разведывательно-диверсионных группах и дислокации немецких сил в партизанский отряд.

В очередной раз пробравшись в хату Нефёдовых, Животовский, осмотрев разведчика, установил, что дела у него крайне плохи, лечение не дало ожидаемого результата. Начиналась гангрена, если в течение ближайшего времени не провести ампутацию ступней, то Эспиноса умрёт. Решили тайно перевести иностранца в больницу, в закрытое, не работающее отделение и там оперировать. Задача очень сложная, но советские люди сделали, казалось бы, невыполнимое. Они спасли жизнь испанцу.

В ночь с 3 на 4 февраля 1943 года Каневская была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков.

Глава 7

Гражданская профессия Виктора Животовского оказалась востребованной и на фронте. Армии были нужны бойцы, но и хорошие специалисты на вес золота. Красная армия наступала по всем фронтам, на поле боя оставалось много подбитой боевой техники. Не все танки после сражений отправляли в тыл на переплавку, некоторые боевые машины зачастую нуждались в незначительном ремонте. Виктор, будучи отличным механиком, был направлен в ремонтную роту, где возглавил отделение по восстановлению танков и самоходок. Ему присвоили звание сержанта. Работа ответственная и тяжёлая. Часто приходилось проводить ремонтные работы под открытым небом в любую погоду.

Животовский в 1943 году воевал в составе Центрального фронта на Орловском направлении. Перед самой войной его направили в командировку в Орёл, где провёл почти два месяца, готовя сельскохозяйственную технику к уборке урожая 1941 года. Эти места ему были хорошо знакомы.

Немцы готовили нападение под Курском, хотели взять реванш за поражение под Сталинградом. Советское командование на этом направлении приняло решение перейти к стратегической обороне, чтобы ослабить гитлеровцев и самим перейти в контрнаступление. Подготовка контрнаступления готовилась на территории Курской, Брянской, Орловской и Харьковской областей.

В марте погода стояла прохладная и сырая. Ремонтники трудились в две смены. Несмотря на молодой возраст, товарищи обращались к Виктору по имени-отчеству.

– Виктор Павлович, сил больше нет, портянки вообще поизносились, сплошные дыры, похлопотал бы перед начальством, – предложил Свиридов, один из подчинённых Животовского.

– Да, Палыч, – подхватил уже немолодой механик Соловьёв, – ноги постоянно в сырости, мозоли кровавые, сделай доброе дело.

– Конечно, схожу, мужики, сам об этом не раз думал, будут вам новые портянки, – заверил командир.

Вещевой склад располагался в старом, но ещё добротном амбаре. После очередной смены Виктор направился напрямиком за портянками.

– Здравия желаю, товарищ старшина, – по уставу обратился ремонтник к заведующему складом.

– И тебе не хворать, с чем пожаловал?

– Портянки нужны, наши совсем прохудились, мне бы на отделение, семеро нас, со мной.

– Начальник тыла сказал портянки беречь, скоро наступление, выдавать только пехоте. Вы же больше в тылу работаете, потерпите, ваше дело гайки крутить, – грубо отрезал старшина.

Закипело всё внутри у Виктора. В глазах потемнело.

– Ты, сука тыловая, пороха не нюхал, сидишь тут на всём готовеньком, в тепле, вона какую ряху отгел, небось у самого и сапожки офицерские, и портянки новёхонькие, – взорвался командир ремонтников и продолжил: – Не для себя прошу, для товарищей своих.

– Сучить меня вздумал, пошёл вон отсюда! – пискляво заверещал тыловик.

Не задумываясь о последствиях, Виктор от души отвесил крюка правой рукой в сальную рожу старшины, сбив его с ног. Завскладом лежал не шевелясь. Животовский взял с полки рулон ткани, отмерил нужное количество и тут же отрезал ножницами. Вернувшись в расположение, порадовал своих подчинённых, не сказав об инциденте ни слова.

К обеду следующего дня в ремонтные мастерские зашёл особист в сопровождении двух бойцов.

– Кто из вас Животовский Виктор Павлович? – металлическим голосом произнёс капитан НКВД.

– Я Животовский, – спокойно ответил Виктор.

– Вы арестованы, следуйте за мной.

– Пальч, что за дела, за что тебя? – с тревогой спросил Соловьёв.

– Да всё нормально, разберутся, отпустят, ты пока за старшего остаёшься.

Разобрались, но не отпустили, в действиях сержанта усмотрели самоуправство и чуть ли не хищение государственного имущества. Итогом разбирательства стала штрафная рота, потому как в штрафные батальоны направляли, как правило, разжалованных офицеров.

Прибыв в распоряжение командира штрафников, Виктор рассказал, как всё было на самом деле. Старший лейтенант Макар Игнатьевич Комаров выслушал бывшего сержанта инженерных войск и спокойно сказал:

– Здесь невиновных нет. Не дали портянки, обратись по команде к старшему командиру, и пусть тот разбирается, полез в драку, да ещё прихватил имущество – сам виноват.

Вопреки ходившим слухам, снабжали штрафников лучше, чем обычных красноармейцев. Оружие самое современное, кормили хорошо. Нельзя было иначе, потому что бойцы штрафных подразделений всегда направлялись на крайне сложные, опасные участки фронта. Именно поэтому и смертность в этих подразделениях была в разы выше, чем в обычных.

Воевал Животовский геройски, даже представили к награде к солдатскому ордену Славы III степени.

Спустя месяц Виктора тяжело ранил осколок разорвавшегося снаряда. Когда его отправляли в госпиталь, к нему подошёл Комаров и, пожимая руку, сказал: «Как у нас принято говорить, ты, Виктор, искупил свою вину кровью, после госпиталя к нам уже не вернёшься, продолжишь службу в своём ремонтном подразделении».

Но судьба распорядилась иначе, Виктор очень долго лечился в военных госпиталях, но полностью восстановиться после тяжёлого ранения так и не смог. Его комиссовали, и он вернулся в родную станицу к жене и детям.

Глава 8

Алексей Жадько очнулся от острой боли в боку. Немец толкал его кованым сапогом, пытаясь привести в чувства. Осмотревшись, Жадько увидел страшную картину прошедшего

боя. Сотни погибших красноармейцев и немецких солдат, покорёженная техника, лучи солнца, с трудом пробивающиеся сквозь чёрную толщу дыма. Сильно болела голова и плечо. Жадько встал и тут же получил сильный толчок в спину. Немец что-то сказал на своём лязгающем языке и показал стволом автомата в сторону. «Наверняка хочет, чтобы я пошёл в том направлении», – подумал Алексей и, преодолевая боль, зашагал к дороге, где уже двигалась колонна пленных красноармейцев.

В июле 1943 года на некоторых участках Белгородского направления противнику ценой огромных потерь удалось незначительно вклиниться в нашу оборону. Бои на этом направлении шли масштабные и кровопролитные. Страна уже окрепла после поражений 1941 года, и Красная Армия, набирая мощь, уверенно продвигалась вперёд. Ощущая нарастающую силу противника, гитлеровцы вводили новые и сильные моторизированные резервы.

К исходу дня колонна военнопленных в сопровождении немецких солдат зашла в какую-то деревню. Красноармейцев завели в большой амбар. Израненные и уставшие солдаты тут же повалились на пол. Алексей, закрыв глаза, представил свою станицу, отчий дом, детей, Матрёну. Мысли о родных и милых сердцу людях помогли немного успокоиться и прийти в себя. Ещё во время движения в колонне Алексей украдкой всматривался в лица товарищей, но так и не смог никого узнать. Солдаты и офицеры были из других подразделений. Кому из них можно доверять, кто может оказаться слабовольным? Раз Бог оставил его в живых в этом страшном бою, значит, у него ещё есть шанс выбраться, продолжить бить врага и героем вернуться домой. Надо бежать, бежать при первой возможности.

Жадько большую часть ночи провёл в раздумьях – упорно искал выход из сложившейся ситуации. Поднять ослабленных товарищей на открытое нападение – бессмысленно. Ждать, пока поместят в концлагерь, тоже нельзя, оттуда бежать будет ещё труднее. Надо присмотреться к товарищам по несчастью, дожидаться утра, а там действовать по обстановке.

Под утро Алексей провалился в короткий, но глубокий сон. Ему снилась Мария, его первая любовь, мать его детей, красавица Машенька. Она поцеловала любимого в губы и тихо на ухо прошептала: «Алёшенька, тебя ждут дети, а мне пора». Внезапно их окутал туман, и образ женщины исчез.

Утром к амбару немцы подогнали несколько грузовиков. Пленных посадили в машины и повезли по разбитой ухабистой дороге в западном направлении. Ещё в машине Алексей услышал паровозные гудки, их везли на вокзал. Пленных красноармейцев посадили в товарные вагоны, через час состав тронулся. Под мерный стук колёс Жадько вспомнил недавний сон... «Машенька, как глупо и рано она ушла, оставив его одного с малыми детьми. Девочки уже совсем взрослые, старшей Людмиле шёл четырнадцатый год. Матрёна писала, что они относительно нормально пережили оккупацию, жизнь налаживается, в сентябре дети продолжат учёбу в школе. Нина учится на отлично... Господи, как же хочется домой».

Мощный рёв пикирующих бомбардировщиков прервал мысли Алексея. Заработала двадцатимиллиметровая зенитная пушка, послышались разрывы авиационных бомб. Наши воздушные асы бомбили немецкий эшелон, не зная, что среди немчуры в теплушках везут и советских военнопленных. Состав замедлил движение и вскоре совсем остановился. Одна из бомб разорвалась слишком близко, разворотив часть вагона. Несколько пленных погибли на месте, кого-то ранило. Жадько и еще часть красноармейцев, выломав обшивку повреждённого вагона, устремились прочь, на свободу. Железнодорожный состав горел. Немцы в спешке покидали вагоны, не обращая внимания на убегающих пленных. В ста метрах от железной дороги раскинулся густой лес, туда и устремились красноармейцы.

Вместе с Алексеем удалось спастись ещё пятерым уже свободным бойцам Красной Армии. Офицеров среди них не было. По возрасту и жизненному опыту Жадько оказался самым старшим, поэтому и взял на себя руководство группой. Алексей предложил дожидаться

темноты, вернуться к разбитому составу, там разжиться трофейным оружием и питанием. Немцы пленных не кормили, вечером в амбар занесли лишь два ведра воды.

Вооружившись и перекусив немецким сухпайком, красноармейцы направились вдоль железной дороги в обратном направлении. Шли почти всю ночь. Каждые два часа пути делали кратковременные привалы. Перед населённым пунктом свернули в лес в восточном направлении. Через несколько часов пути появились признаки линии фронта. Алексей остановил группу.

– Всё, привал, мужики, находим кусты погуще и отдыхать до наступления темноты. Ночью переходим линию фронта, – приказал Жадько своим новым товарищам.

Линию фронта перешли без происшествий, самый опасный участок пришлось ползти попластунски.

Уже у своих группа Жадько расслабилась. Встретили их доброжелательно, сразу накормили, потом провели в землянку к командиру роты, где они рассказали о своём роковом бое, как попали в плен, как им удалось бежать.

– Хорошо, сейчас отдыхать, набираться сил, раненым окажут помощь, завтра наступление. В ваши подразделения направим запросы для восстановления документов, – командир роты встал, давая понять, что разговор окончен.

– Стоять. – В землянку ввалился особист с погонями лейтенанта НКВД. – Товарищ капитан, вы уверены, что эти люди говорят правду? Вы можете гарантировать, что это не диверсанты? – строго спросил особист.

– Завтра наступление, каждый человек на счету. Какую они здесь могут совершить диверсию? – ответил командир роты.

– Даже если это не диверсанты, они пришли со стороны врага, мы должны всё проверить.

– Вот и проверяй, у тебя до утра есть время. Утром они пойдут в бой, – отрезал капитан.

Упавших духом бойцов поместили в одну из землянок и приставили часового. По одному их водили на допрос.

Настала очередь Жадько.

– Твои товарищи говорят, что ты у них главный? – начал особист.

– Кто-то же должен принимать решения, я воюю с первых месяцев, имею боевые награды, вот и возглавил нашу группу.

– Так, говоришь, «нашу группу», именно так называют фрицы диверсионные ячейки, забрасываемые к нам в тыл. Русским владеешь хорошо, из бывших? Звание, настоящая фамилия, цель заброски, – повысил голос офицер.

– Да пошёл ты на... Прийдёт ответ из моей части, и убедишься какой я диверсант, сколько можно издеваться над людьми? – Алексей вскипел. Сказалось моральное и физическое напряжение последних дней.

– Как ты с офицером разговариваешь, вражина?! – Лейтенант подскочил к солдату и ударил его кулаком в лицо. Голову пронзила саднящая боль, в глазах потемнело, и Жадько упал. Особист продолжил наносить удары ногами. С трудом взяв себя в руки, он позвал часового.

– Приведи его в чувства.

Красноармеец снял с пояса фляжку и плеснул водой в лицо Алексею.

– Свободен. – Особист отпустил часового.

Алексей с трудом поднялся, как ему хотелось разорвать этого молодого щёголя на куски. Внутри всё кипело. Лейтенанту на вид не было ещё и тридцати. На фронте явно недавно, хочет выслужиться, а может, просто дурак, которому всюду мерещатся враги. Когда же это всё закончится?

– Продолжим, предлагаю последовать примеру своих товарищей, которые уже во всём сознались, – нагло врал лейтенант.

– Я советский солдат, попал в плен, бежал, готов и дальше защищать Родину, – чуть слышно, едва шевеля распухшими губами, произнёс Жадько.

– Какой ты советский солдат? – Подбежал особист к Алексею и занёс руку для очередного удара, но Жадько выставил свою, блокируя удар, схватил со стола карандаш и вонзил его лейтенанту в глаз. Всё произошло как-то автоматически, на уровне подсознания. Особист рухнул замертво. К Алексею мгновенно пришло осознание непоправимого.

«Это конец... Опять бежать. Куда? Страна большая».

Жадько осторожно выглянул за бревенчатую дверь землянки. Часового не было. «Может, отошёл по нужде?» Алексей, больше не таясь, уверенной походкой направился в тыл. Шёл всю ночь, мысли путались. «Как теперь жить дальше? Его объявят в розыск. Домой возвращаться нельзя, соседи увидят – сдадут. Что теперь будет с семьёй? Он преступник, а не герой. Как глупо всё получилось, исправить ничего нельзя, если его задержат, то, скорее всего, расстреляют».

Сердце колотилось словно паровой молот. Беглец шёл, не разбирая дороги, не чувствуя усталости и боли. Забрел на рассвет. Алексей вышел на поляну. Здесь недавно был бой, повсюду виднелась покорёженная техника, трупы немецких и советских солдат.

Ритуальные отряды или похоронные команды, как их называли сами солдаты, зачастую не успевали провести захоронение павших по всем правилам, с опознанием, изъятием документов и прочими нюансами.

Жадько подошёл к одному из убитых красноармейцев, расстегнул нагрудный карман гимнастёрки и достал аккуратно свёрнутый в тряпицу пакет. В нём находилась красноармейская книжка на имя Иванова Алексея Леонтьевича, 1901 года рождения, уроженца деревни Каменка Михайловского района Саратовской области. В графе, где обычно указывались близкие родственники (мать, жена), стоял прочерк. С фотографии, вклеенной в документ, на Алексея смотрел мужчина, отдалённо похожий на Жадько. Это было какое-то чудо. Алексей решил забрать документы убитого солдата и выдать себя за него. Он перечитал всю информацию в документе, запомнил главное – время призыва по мобилизации, наименование части и подразделения, свои новые личные данные.

Выйдя к резервному подразделению Красной армии, Жадько представился Ивановым, рассказал, что после боя очнулся и понял: в живых остался только один из всей роты. С контузией и лёгким ранением его отправили сначала в госпиталь, а затем опять на передовую. Он прошёл войну до самого Берлина, воевал геройски, словно замаливая грехи за содеянное.

После окончания войны теперь уже Алексей Иванов не поехал в Саратовскую область, а приехал в Краснодарский край, поселился в станице Тимашевской, которая расположена южнее родной станицы на семьдесят километров, устроился работать в депо железнодорожного вокзала, жил очень скромно и тихо...

Глава 9

В начале 1944 года домой к семье Жадько пришёл участковый уполномоченный милиции Николай Свиридов. Он вручил Матрёне повестку, согласно которой ей надлежало прибыть в военкомат.

– Что-то случилось с Алексеем? – с тревогой в голосе спросила женщина.

– Я ничего не знаю, мне велено вызвать вас в военкомат, а там вам всё объяснят.

– Может, нашёлся мой муж? В прошлом году приходило официальное письмо о том, что он пропал без вести, – с надеждой в голосе произнесла Матрёна.

– Может и так, – ответил милиционер и отправился дальше по своим делам.

В назначенное время Матрёна пришла в военкомат.

– Присаживайтесь, – предложил ей военком.

В кабинете, кроме него, был ещё один мужчина в штатском. Он сидел у окна и курил папиросу.

– Скажите, кем вам приходится Жадько Алексей Иванович? – спросил офицер.

– Муж он мне, правда, официально мы не расписаны, не успели, война, – растерянно произнесла женщина.

– Когда последний раз вы получали от него весточку? – продолжил военный комиссар.

– Точно не помню, в прошлом году, летом.

– Может, кто-то из сослуживцев сожителя приходил к вам, на словах что-нибудь передавал? – включился в разговор мужчина в штатском.

– Да нет, не было никого, – с тревогой в голосе ответила Матрёна, заподозрив что-то неладное.

– Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо, Жадько Алексей Иванович совершил тяжкое преступление, убил офицера и находится сейчас в розыске. Если вы узнаете о его местонахождении хоть что-нибудь, вы должны немедленно сообщить в органы. Хочу напомнить, укрывательство разыскиваемого, любое содействие ему автоматически делает вас соучастницей и повлечёт серьёзное наказание, – строго пояснил неизвестный в штатском.

Матрёна испуганно закивала и, закрыв лицо руками, заплакала.

Вернувшись домой, она молча собирала вещи.

– Мама, что тебе сказали про папу, он жив? – спросила Рита.

– Жив, скоро вернётся, – уклончиво ответила женщина.

– Зачем ты собираешь вещи, мы куда-то уезжаем? – Нина заволновалась.

– Нет вы остаётесь дома, а я уезжаю, поживу у сестры в Краснодаре, ей нужна моя помощь.

– А как же мы, ты нас бросаешь? – со слезами на глазах, дрожащим голосом произнесла Людмила.

– Вы уже большие, справитесь, я скоро вернусь.

Матрёна уехала. Страх за свою жизнь и свободу победил материнские чувства. Да и не была она им матерью, чужие они для неё.

Дети остались одни. Весной Люда устроилась на работу в колхоз. Трудилась на ферме. Работа не из лёгких, но зато дома всегда молоко и другие продукты. Летом, закончив семь классов, Нина, чтобы помочь сестре, устроилась работать в больницу. Стирала бинты, ухаживала за ранеными бойцами и больными станичниками, дежурила по ночам, кормила и давала лекарства тяжело больным, писала письма от их имени, часто представляя, что и их папа тоже так лежит где-то раненый и сам не может подать детям весточку о себе. В конце лета младшего брата Славика забрали в школу-интернат. Рита упорно осваивала подольскую швейную машинку. Достать отрез и пошить новое платье было очень сложно, поэтому девочка просто перешивала довоенные мамины наряды.

Надеждой на возвращение отца, упорным уже не детским трудом, по-взрослому, девочки выжили и встретили Великую Победу. Жить стало не только легче морально, но и физически. На работе ввели выходные дни, выплачивали зарплату, а не продаёк, появилась возможность навещать Славика в интернате.

Наступила осень. Раньше всех на работу уходила Людмила. Однажды ранним утром она, как обычно, вышла из дома и оторопела, прямо у двери стоял какой-то ящик. Девушка позвала сестёр и показала находку.

– Что это? – ещё сонная прошептала Нина.

– Понятия не имею, вышла, а он тут стоит, – ответила старшая сестра.

– Давайте посмотрим, что там, – предложила Рита.

Нина сходила в сарай за топором, ловко поддела одну, вторую рейки, и девушки увидели консервные банки. Быстро затащив ящик в дом, стали разбирать неожиданную посылку. Там

оказалось несколько банок мясных и рыбных консервов, конфеты, красивый ситцевый отрез и конверт. В конверте лежало двадцать рублей.

– Я точно знаю, это папа прислал, он жив! – радостно закричала Рита.

– Тихо ты, успокойся, – приструнила её Нина и продолжила: – Помните, когда от нас уехала Матрёна (Нина упорно не хотела называть её мамой после того, как она бросила их одних), нам перестали выплачивать пенсию за папу. Она уехала неспроста. Я недавно ходила в военкомат и интересовалась, нет ли вестей об отце, многие пропавшие без вести возвращаются, кто-то тяжело ранен, лечился в госпитале, кто-то в плену. Я узнала там страшную правду. – Нина замолчала, и из глаз у неё потекли слёзы.

– Говори, мы слушаем, – обречённо, дрожащим голосом, произнесла Люда.

– Мне сказали, что наш папа преступник, он убил офицера НКВД и находится в розыске, – выпалила Нина, рыдая.

– Папа жив, он нам помогает, он где-то рядом, наблюдает за нами, это главное, – радостно сказала Рита.

– Девочки, раз он в розыске, его в любой момент могут арестовать, поэтому никому ни слова, это будет наша семейная тайна, – рассудила Людмила.

Глава 10

Жизнь в стране после тяжёлой войны постепенно налаживалась. Вчерашние девочки в семье Жадько выросли в красивых девушек. По вечерам и в выходные дни они с удовольствием ходили на танцы, гуляли в парке, смотрели новые и старые фильмы в кинотеатре.

Людмиле уже шёл восемнадцатый год, она так и работала на ферме, но уже учётчицей. К ним часто заезжал молодой тракторист Степан Губанов. Отслужив в армии и закончив сельскохозяйственное ремесленное училище, он получил сразу несколько рабочих профессий. Люда, чернявая дивчина, ему сразу понравилась. Губанов хоть и был старше девушки, но природная скромность не позволяла ему начать более близкие отношения. Людмиле высокий статный парень тоже приглянулся. Завистливые подружки шутили: «Не пара он тебе, Люда, ты у нас вона какая краса, а у него уши оттопыренные», – и давай смеяться.

– А мне нравится, это его изюминка, – краснея, отвечала девушка.

Как-то весенним вечером, возвращаясь с фермы домой пешком, Люда услышала звук приближающейся брички, оглянулась – Стёпа. Сердце молодой девушки учащённо забилося. Поравнявшись с Людмилой, Губанов остановил повозку и застенчиво предложил:

– Люда, давай подвезу, небось устала после работы.

– А где ж твой железный конь? – поинтересовалась девушка.

– В гараже, где ж ему быть. Да и одноместный он, а я хотел чтобы мы вдвоём прокатились. Не робей, садись, прокачу с ветерком.

– Спасибо, только с ветерком не надо, давай спокойно прокатимся.

Обрадованный таким поворотом событий парень повёз девушку самым длинным путём. Всю дорогу влюблённый молодой мужчина рассказывал о своей жизни, как он проводил детство, как им удалось пережить с родителями войну, о службе в армии. Уже у дома помог Людмиле занести сумки и предложил в воскресенье сходить вечером в кино. Она с удовольствием согласилась.

Когда девушке исполнилось восемнадцать лет, Губанов сделал ей предложение. Свадьба была скромная, но душевная. Председатель колхоза выделил молодым две комнаты в семейном общежитии в бригаде. Так выпорхнула первая ласточка из семейного гнезда Жадько.

Глава 11

Нина Жадько по-доброму завидовала сестре, которая уже строила личную жизнь с любимым человеком. Она верила, что скоро и её счастье постучится в двери. Нина уже работала в поликлинике в регистратуре, но хотела стать продавцом. Подруги постарше рассказывали, что, работая в торговле, всегда будешь сыт и при деньгах. «Ничего, – мечтала девушка, – когда-нибудь я окончу курсы продавцов и буду работать в большом магазине». Нина любила модно и дорого одеваться. Присмотрев новые туфли, она долго собирала нужную сумму, чуть ли не каждый день находя повод, чтобы заглянуть в универмаг и полюбоваться на свою будущую обновку. Ещё больше она любила танцевать. Нина не могла понять, как девушки могут пропускать такие весёлые мероприятия.

– Люда, Рита, почему вы так редко ходите на танцплощадку? – недоумевала сестра.

– Ой, Нинка, порой в колхозе так напляшешься, что не до танцев, – парировала сестре Рита. Она трудилась на свиноферме.

Купив наконец-то красивые туфли на шпильке, сделав модную причёску «корзиночка», заплетя две косички (при этом конец одной закрепила на основании другой и зафиксировала всё это сеточкой), нанеся незатейливый макияж, Нина ушла на танцы. Особенно ей нравился вальс. В этот вечер у неё менялись партнёры чаще обычного, но один из них был самым настойчивым и старался опередить других кавалеров, приглашая первым понравившуюся ему девушку. В танце они и познакомились. Парень представился Николаем Трофимовым, предложил проводить Нину домой. Ей он тоже был симпатичен. Выйдя из парка, они направились к Нинину дому. Улица освещалась слабо. Откуда-то из темноты послышался басовитый голос:

– Закурить не найдётся?

– Не курю, – соврал Николай и, взяв девушку за руку, ускорил шаг.

Нине передалось волнение парня, и она сильнее прижалась к Николаю.

– Кто это? – спросила девушка.

– Думаю, мои соперники, но я их не боюсь, – с напускной смелостью ответил парень.

Уже возле дома, при расставании, Николай решительно прижал Нину к себе, и их губы сплелись в страстном поцелуе. Её ещё никто так не целовал. Чуть раньше за девушкой ухаживал один очень скромный парнишка, который даже спросил разрешение на поцелуй, Нине это не понравилось. Сам поцелуй был такой неприятный, с таким чмокающим звуком, что девушка решила прервать дальнейшие отношения. Она потом часто вспоминала того парня и жалела, что не связала с ним свою судьбу.

Договорившись о скорой встрече, они расстались, и Николай ушёл в черноту ночи. Нина осталась стоять возле калитки, вспоминая сладость поцелуя, что-то её удерживало. Нехорошие предчувствия подтвердились спустя пару минут. Она услышала громкие голоса и звуки потасовки. «Наверное, бьют Николая», – промелькнуло у неё в голове. Девушка побежала на шум драки и увидела, как трое рослых ребят избивают её парня.

– Что вы делаете?! Прекратите немедленно! – закричала Нина и бесстрашно влетела в потасовку.

Увидев девушку, хулиганы отступили. Николай лежал на земле, из носа текла кровь, глаз заплаыл, рубаха разорвана. Нина помогла ему встать, повела в сторону дома.

– Заночуешь у нас. – Решила девушка. Парень не возражал.

Трофимов ухаживал интересно, покупал сладости, рассказывал забавные истории о своей жизни, но потом признавался, что они выдуманные. Как-то раз предложил Нине авантюру, та по глупости согласилась. Ночью молодые люди пришли на вокзал, и Трофимов, сорвав пломбу и взломав замок на товарном вагоне, залез внутрь, а девушка смотрела, чтобы не появилась охрана. Внезапно раздался гудок, и состав тронулся, Николай соскочил с вагона, держа в руке небольшой бочонок. Им тогда повезло – убежали незамеченными. В бочонке оказалась чёрная икра. Нина продала её в ресторан через знакомую официантку. Выручив огромную сумму,

молодые устроили праздник: купили себе новые вещи, гуляли по парку, ели мороженое, а вечером накрыли праздничный ужин. Осознание содеянного пришло позже.

– Было очень хорошо, но больше так не делай, – сказала Нина.

– Почему, тебе же понравилось? – возразил Николай.

– А если бы нас схватили, прощай свобода. Нет, я хоть и сирота, но жить буду честно.

После неприятного инцидента молодые люди провели время вместе, только потом Нина узнала, что беременна. С Трофимовым они тихо расписались и в тот же вечер по-семейному посидели за праздничным столом. Когда Нине уже стукнуло восемнадцать, она родила здорового малыша. Сына назвали Александром. Не так девушка представляла семейную жизнь. Николай оказался очень ревнивым, эдаким семейным тираном. Жили они в хатке, которая досталась мужу от покойной тётки. Если шли в кино, то за десять минут до начала сеанса, так, чтобы обязательно опоздать и зайти в зал, когда фильм уже начался, а уходить приходилось тоже раньше положенного, чтобы на красавицу жену никто не смотрел. Трофимов любил выпить и всё чаще приходил домой пьяным. На пустом месте начинались скандалы. Однажды Николай в нетрезвом виде ударил жену, сбив её с ног. Нина, не дожидаясь продолжения избиений, выбежала на улицу вся в слезах. Куда бежать? Дома маленький ребёнок. Она не придумала ничего лучше, как залезть на невысокое дерево у дома и на нем тихо проплакать. Трофимов ходил по улице в поисках жены и злобно выкрикивал бранные слова. Спустя час успокоился.

– Нина, иди домой, Сашка плачет, покорми его, всё, бить не буду.

Девушка спустилась с дерева и вернулась домой. Любовь закончилась вместе с этим унижительным тычком в лицо.

– Если хоть раз мужик поднял руку, то будешь ты, сестра, постоянно битая, – как-то при встрече сказала ей Рита.

Но спустя неделю после того случая Трофимов резко изменился. Домой пришёл с подарками: конфеты, шампанское.

– Нина, прости дурака, больше такое не повторится, не знаю, что на меня нашло.

Жизнь стала гораздо спокойнее. Спустя ещё месяц Николай как-то обмолвился:

– А почему ты никогда не рассказывала мне, что у тебя есть родственник, дядя по материнской линии?

Нина вздрогнула, никакого дяди у неё не было. Что за вопрос.

– Почему ты спросил? – осторожно поинтересовалась девушка.

– Да так, встретил он меня недавно, – уклончиво ответил Николай, – интересовался, как мы живём, то да сё.

– Наверное, мамин брат, дядя Лёша, мы редко видимся, – ответила Нина первое, что пришло в голову, а сама с замиранием сердца подумала: “Отец, он где-то рядом, наблюдает за нами. Поговорил, наверное, с мужем, вот тот и притих...”

Глава 12

Вот и Маргарите исполнилось восемнадцать лет. Эта девушка из семьи Жадько больше всех была похожа на отца. Её чёрные кудрявые волосы, овал лица, тёмно-карие глаза выделяли молодую казачку из общей массы работниц свинофермы. Бригадирша тётя Маша не раз говорила Рите: «Такой красоте нельзя просто так пропасть, ты будешь моей невесткой».

Однажды вечером девчата собрались в общежитии, чтобы отметить день рождения одной из подруг. Когда гулянье было в разгаре, в столовую вошли три парня. Они явно были подвыпившие. Девичий гомон стих. Самая бойкая, Лиза Панкратова, ничуть не смутившись, громко произнесла:

– Вас, мальчики, мы на наш *девичник* не приглашали.

– А нас и не надо приглашать, мы хлопцы вольные, где хотим, там и гуляем, – дерзко произнёс вихрастый парень. Он явно был предводителем этой подзагулявшей компании. Чуть выше среднего рост, густая кудрявая шевелюра, крепкие волосатые руки, пронзительный взгляд голубых глаз, папироска в углу рта, нагловатая походка – казачий атаман, не меньше. Окинув зал взглядом, парень направился к Рите. Девушка смутилась, испугалась и застенчиво опустила глаза.

– А ты, красотка, будешь моей женой, – наклонившись к девушке, чуть слышно, категорично заявил гуляка.

– Мальчики, всё же вам тут не место, – примирительно, но твёрдо сказала Лиза.

– Да и не очень-то хотелось, нас ждут в других местах, верно я говорю, хлопцы? – повернувшись к товарищам, сказал парень, и компания покинула столовую.

Рита потом узнала, что дерзкий симпатичный казачок – племянник её бригадирши Фёдор Шрамко. Тётя Маша рассказывала девушке, что племянник парень хороший, просто свою неуверенность и нерешительность в общении с девушками прячет за напускной дерзостью. Рита не скрывала, что Фёдор ей тоже нравится. Бригадирша пригласила девушку к себе домой на чай. Как бы невзначай к родственнице заглянул и племяш. В этот вечер Федя показал себя совсем с другой стороны: был обходительным, вежливым кавалером, даже пробовал играть на гармошке, правда, не очень получалось. Рита уже не боялась этого вихрастого разудалого парня, а прониклась к нему большей симпатией. Между молодятами завязалась дружба, со временем переросшая в тёплые отношения. Фёдору не нравилось имя Рита, как-то он спросил девушку: «Можно я буду тебя называть Лидой? Это имя тебе больше подходит». Девушка не возражала.

Вскоре они поженились. Тётя Маша выбила для молодых квартиру в новом колхозном двухэтажном доме. У семьи Шрамко родились три девочки погодки. Места в квартире стало маловато, было решено начать строительство своего собственного нового дома. Но вот беда, Фёдор стал частенько возвращаться с работы поздно. Рита почувствовала, что у мужа появилась женщина на стороне. Было горько, обидно и тяжело. Уложив детей спать, женщина, так и не дождавшись мужа, сама отправилась отдыхать. Нехорошие мысли крутились в голове, подушка опять была вся мокрая от слез. Рита услышала, как открылась входная дверь. Фёдор, стараясь не шуметь, прошёл на кухню. На столе, накрытом полотенцем, его ждал ужин: котлеты, стакан молока и его любимые пирожки с картошкой. Поужинав, мужчина тихо скользнул к жене под одеяло.

– Лида, почему ты не спросишь, где я задержался? Тебе всё равно, где пропадаю вечерами? – осторожно поинтересовался Фёдор. Изменяя своей жене, он был очень ревнивым супругом и никак не мог понять, почему любящая жена никак не реагирует на его выкрутасы. Она была мудрой женщиной.

– Фёдор, я знаю, что у тебя появилась другая. Ты, пожалуйста, определись – она или я с девочками, только не мучай меня больше. Обещаю, скандалов не будет.

Рита встала и ушла в другую комнату к дочерям.

С той ночи муж приходил домой вовремя, он сделал выбор.

Глава 13

Младший из семьи Жадько, Славик, вырос, отслужил в армии, получил профессию шофёра и устроился водителем рейсового автобуса. Его самоотверженный труд, активная жизненная позиция обеспечили должный авторитет в коллективе. Славу приняли в ряды коммунистической партии. Избрали народным заседателем краевого суда. Сёстры очень гордились братом. Нина часто повторяла: «Папа знал, как назвать единственного сына – Вячеслав – означает «более славный»».

Вячеслав, будучи народным заседателем, участвовал в отправлении правосудия с сохранением заработной платы по основному месту работы, только во время судебных заседаний. Слава был завидным женихом. Рослый красавец, типичный продолжатель рода Жадько, балагур и заводила в любой компании, при этом сохраняющий ясность и трезвость ума, всегда дающий себе отчёт, о чём можно шутить, а о чём лучше умолчать. Славик (для сестёр он всегда оставался младшим, но очень любимым и уважаемым братом) часто с родными ему людьми говорил о разных уголовных делах, в рассмотрении которых принимал участие.

Молодой общительный мужчина пользовался успехом у женщин, но его сердце покорила голубоглазая крашенная блондинка Вера Чалая. Девушка была родом из интеллигентной семьи, получила хорошее воспитание, закончила торговый техникум и работала товароведом на вещевой базе. Познакомились они в ходе несчастного случая. Вячеслав как раз получил новенький по тем временам «Икарус» и с напарником дядей Ваней Прохоровым совершал дальние межгородские рейсы не только по краю, но и за его пределы. Ничего не предвещало беды, автобус шёл плановым рейсом «Каневская – Новороссийск», за рулём сидел напарник, опытный водитель первого класса. На улице стоял жаркий июльский день, свободных мест в транспорте не было. Проехав равнинную местность, «Икарус» съехал на перевал. В это время его резко обошёл серый «москвич», водитель которого не учёл ближайший поворот и не справился с управлением металлического коня. Машину кидало из стороны в сторону, развернуло на сто восемьдесят градусов прямо перед носом автобуса. Прохоров дал по тормозам, одновременно выворачивая руль в сторону, чтобы избежать теперь уже лобового столкновения. Автобус дико провизжал тормозами, и его отбросило на обочину, где транспорт под углом упёрся в огромный валун. Среди пассажиров началась паника. Дядя Ваня, ударившись головой о боковую стойку, потерял сознание. Вячеслав, предвидя аварийную ситуацию, во время опасных манёвров крепко уцепился руками за передние и боковые поручни. Сразу после остановки он открыл дверь и попытался успокоить пассажиров. Паникующая толпа не подчиняется разуму: крики мужчин, визг женщин и плач детей только придавали безумия в действиях людей. Толпа ломилась к выходу, сильные расталкивали слабых, все думали о том, как бы побыстрее покинуть автобус, мамочки прижимали к себе деток, одновременно успокаивая их и не рискуя выйти в проход. В трёх шагах от выхода Слава заметил, как один молодой парень, сильно толкнув в спину неповоротливую, явно с ватными от страха ногами девушку, сбил ту с ног, перешагнул через неё и устремился на волю, прочь из металлического плена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.